

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

КОМДИВ

**Ключи от ворот
Ленинграда**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т22

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Таругин, Олег Витальевич.

Т22 Комдив. Ключи от ворот Ленинграда /
Олег Таругин. — Москва : Эксмо : Яуза, 2017. —
320 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-98562-3

Новый ураганный боевик от автора бестселлеров
«Комбат» и «Комбриг»!

Третий раз отправляясь в далекое прошлое, слушатель
Высшей Академии Сухопутных Войск Земной Федерации
Сергей Кобрин точно знает, на что идет. Больше никакого
«тумана войны» — полученный приказ прост и понятен:
любой ценой не допустить блокады Ленинграда!

Его бойцам предстоит столкнуться не только с ди-
версантами из отряда «Бранденбург-800» и штурмовой
кампфгруппой полковника Рауса, но и с танками 4-й тан-
ковой армии генерал-полковника Гёпнера!

И не выполнить приказ русский офицер из будущего
просто не имеет права — слишком многое поставлено
на кон! Ведь недаром стратегический мост через Лугу и
плацдарм у села Ивановского были названы «ключами от
ворот Ленинграда», откуда открывалась прямая дорога к
городу на Неве...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98562-3

© Таругин О.В., 2017
© ООО «Издательство «Яуза», 2017
© ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей.

Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

*Автор выражает глубокую признательность
за помощь в написании романа
всем постоянным участникам
форума «В Вихре Времени» (**forum.amabrov.ru**).
Спасибо большое, друзья!*

Пролог

*Лейтенант НКГБ Виктор Зыкин,
конец августа 1941 года*

... — так что отдохнуть, как видишь, не удастся, лейтенант, — завершив фразу, Лаврентий Павлович испытующе взглянул на Зыкина. — Сам ведь на фронт недавно просился? Впрочем, ты, полагаю, не против?

— Никак нет, товарищ народный комиссар! — вскинулся Виктор, все еще не привыкший к общению с руководством ТАКОГО уровня. — Какое там отдыхать?! Готов немедленно приступить к выполнению задания!

— Вот и хорошо, — усмехнулся самым краешком узких губ всемогущий нарком, сверкнув стеклами неизменного пенсне. — Я так и думал. Отправляйся под Смоленск и аккуратно выясни подробности того, о чем я тебе только что рассказал. *Любые подробности*, даже самые, казалось бы, незначительные. Но самое главное — аккуратно, это ясно? Вполне возможно, простое совпадение. А вот если нет, то действуй согласно нашему плану. Но тоже крайне аккуратно. Документ у тебя имеется, серьезный документ. Но особенно на него не надейся и лишней

раз не используй — порой такая бумага только во вред. Мы поняли друг друга?

— Так точно, товарищ народный комиссар!

— В случае получения интересующих меня сведений, так или иначе касающихся нашего *фигуранта*, радировать немедленно, я получу сообщение максимум в течение получаса. На этом все, свободен. Машина внизу, самолет ждет на Центральном. Если имеешь вопросы, задавай сейчас.

— Всего один, товарищ нарком. Вы говорили, что я буду работать с группой...

Берия легонько прихлопнул ладонью по столешнице. Улыбнулся:

— Разумеется, будешь. Когда людей подберешь и группу создашь. А пока сам. Я ответил?

— Так точно. Разрешите идти?

На сей раз наркомвнудел даже не стал ничего говорить, лишь кивнул и легонько махнул рукой: «свободен, мол». Протопав строевым шагом положенные метры до двери, Зыкин торопливо покинул высокий кабинет, расслабленно выдохнув лишь в гулком пустом коридоре. Уф, аж взмок весь! Все никак не привыкнет, что вот так запросто говорит с САМИМ! С одной стороны, уж в третий раз за эту сумасшедшую неделю его к Берии вызывают, а с другой — как тут привыкнешь? Кто он и кто Лаврентий Павлович? Ох, высоко-высоконько ты, Виктор Тимофеич, взлетел... как бы падать больно не оказалось.

Одернув гимнастерку и поправив портупею (пустая кобура немного раздражала, на фронте успел

привыкнуть к оружию, но пистолет вернут только при выходе из здания), Зыкин надел фуражку и коротко дернул щекой: а вот хрен, прорвемся! Авось и не жахнемся об землю-матушку, что тот Икарушка из древней легенды. Степаныч, хоть и общались недолго, многое в нем изменил и многому научил. Так что справится. И задание выполнит. Которое, так уж выходит, как раз Степаныча и касается. Ну, в смысле, капитана Кобрин, Сергея Викторовича. Ха, кстати, смешно, но это запавшее в память словечко «прорвемся» — как раз одно из тех, которые он подслушал у комбата! Все, прочь несвоевременные мысли — автомобиль ждет. Насчет всего остального после мозгами пораскинем, время у него в полете будет. А подумать после того, о чем ему товарищ Берия рассказал, есть о чем...

Под крыльями военно-транспортного «Дугласа» — нет, не того самого, что вез его в Москву, другого — промелькнули разрисованные деревьями и кустами бетонные плиты взлетно-посадочной полосы Ходынского аэродрома, стремительно унеслись назад бутафорские сельские хатки с не менее бутафорскими огородами и колодцами. Моторы изменили тональность, вытаскивая самолет на положенную высоту, загудели ровно, басовито. Все, порядок, взлетели. По сторонам пристроилась пара истребителей ИАП особого назначения, которые будут прикрывать самолет во время полета.

Отвернувшись от иллюминатора, за толстым выпуклым стеклом которого маячил остроносый

краснозвездный фюзеляж, Зыкин хмыкнул: однако! С почетным эскортом летит, словно представитель Ставки! С другой стороны, чему, собственно, удивляться? К его рассказу товарищ Берия отнесся со всем возможным вниманием, хоть поначалу вроде бы и не поверил. Даже угрожал, было такое дело, было. Но то поначалу, пока не изучил вдумчиво полтора десятка исписанных убористым зыкинским почерком писчих листов. А уж как прочитал...

На следующее утро невыспавшийся лейтенант снова предстал пред начальственными очи. И добрых три — если не больше — часа отвечал на всякие уточняющие вопросы, порой повторявшиеся по несколько раз в разных формулировках, а порой вовсе не имеющие к изложенному ни малейшего отношения. Вымотался — мама не горюй, словно еще раз пережил тот бесконечный день двадцать второго июня. Окажись под рукой медицинские напольные весы — ничуть бы не удивился, узнав, что пару килограммов сбросил, то ли с потом, то ли «от нервов»... А уж КОМУ товарищ народный комиссар его рассказ после передал — и подумать страшно! Нет, КОМУ — это-то как раз понятно, но именно потому и страшно. Товарищ Берия — недостижимая высота, а уж тот, кто НАД ним стоит... это и вовсе, как говорится, в голове не укладывается...

Ну а сегодня Лаврентий Павлович его снова к себе вызвал. Правда, особого страха Витька уже не испытывал — волнение скорее. Перегорел, видать. Или привык. Да и чего уж бояться? Коль в первые

дни не арестовали, значит, поверили. Иначе бы не в высокий кабинет вызвали, а совсем в другом направлении повели. Причем под конвоем и без ремня, что характерно. Так и оказалось: «рассказа о будущем», как про себя называл лейтенант откровения Минаева-Кобрина, наркомвнудел больше не касался. Сразу перейдя к делу. А дело оказалось в следующем: к принесенной Виктором информации *на самом верху* отнеслись более чем серьезно. Собственно говоря, вопрос «верить — не верить», насколько он понял из обтекаемых фраз наркома, на повестке дня и вовсе не стоял. Наверняка за эти дни личность бывшего начальника особотдела 239-го полка 27-й стрелковой дивизии Зыкина Виктора Тимофеевича, одна тысяча девятьсот семнадцатого года рождения, проверили по всем доступным каналам не дважды и, скорее всего, даже не трижды.

И потому сейчас основным вопросом было «как мы можем использовать это неожиданное знание?». Нет, в целом оно, конечно, понятно как. Всегда полезно знать планы противника, пусть и в общих чертах. Особенно те, которые оным противником пока даже не разработаны. Но информация требовала проверки. Витька и сам прекрасно понимал, что, несмотря на профессионально тренированную память, просто физически не мог запомнить ВСЕХ подробностей рассказанного «комбатом». Да и эмоции во время того рассказа поистине зашкаливали, туманя разум и мешая адекватному восприятию поистине ценнейших сведений. Ну, уж в этом-то его вины

точно не имеется: попробуй-ка остаться с холодной, как товарищ Дзержинский завещал, головой, когда в одночасье узнаешь ТАКОЕ и твой мир внезапно рушится, грозя погрести под обломками хрупкий человеческий разум! Война-то еще ладно — ведь победили же, пусть и гораздо позже, чем думалось, и заплатив за это чудовищными жертвами. А вот то, что дальше с Советским Союзом произошло...

Вот потому-то Лаврентий Павлович и решил, что к поступающей с фронта оперативной информации следует отнестись с особым вниманием. Не ко всей в целом, понятное дело, для этого НКВД да генштаб имеются, а к некоторым, скажем так, *аспектам*. Как он сам выразился во время их первой встречи: «если вдруг еще какой красный командир неожиданно станет воевать не так, как другие, а лучше или необычней», то это вполне может означать то, что в их времени снова появился «гость». И отыскать этого самого «гостя» будет проще тому, кто уже с ним встречался. То бишь ему, Зыкину. Поскольку больше-то и некому, так выходит.

Именно поэтому Виктор сейчас и летел под Смоленск.

Почему туда? Да хотя бы потому, что по принесенной им же самим информации город пришлось сдать противнику еще в конце июля. А он держался. И, судя по фронтовым сводкам, сумеет продержаться как минимум до начала осени. Нет, с одной стороны, виной тому могут быть действия того же Минаева-Кобриня, предотвратившего Белостокский котел и

сорвавшего фашистские планы по замыканию Минского. О чем-то подобном Витьке еще сам Степаныч, помнится, рассказывал. Касательно того, что история в результате их действий уже пошла по другой колее и дальше изменения будут только нарастать.

Или же причиной этого стали действия командира сто первой танковой дивизии полковника Михайлова Григория Михайловича, ухитрившегося окоротить немцев в тот момент, когда сдача Смоленска казалась практически неминуемой? Вернее, одного из его комбригов, некоего подполковника Сенина. Который в результате полученной в бою контузии — вот неожиданность, ага! — внезапно напрочь потерял память. Практически так же, как и приснопамятный комбат Минаев, который лег спать одним человеком, а проснулся — совсем другим. Но тоже не помнящим ровным счетом ничего из событий последних дней!

Совпадение? Да, возможно, именно совпадение: контузия — она такая штука, что угодно может случиться. А если нет? Если это именно тот, кого они ищут — Кобрин? Вполне себе вариант, который Зыкину и предстояло проверить. Потрепанную боями дивизию отвели в неглубокий тыл на пополнение и переформирование, так что момент более чем удачный. Тут главное, как и наставлял товарищ Берия, действовать предельно аккуратно. Не спугнуть. Не насторожить. Втереться в доверие и выспросить потихоньку, что да как. Правда, Сенин вместе со своим экипажем сейчас в госпитале, так что сначала необ-

ходимо поговорить с Михайловым, а уж потом заняться комбригом.

«Угу, вот именно что втереться в доверие! — самокритично фыркнул Зыкин про себя. — Можно подумать, Степаныч... ну, в смысле Кобрин, меня с первого взгляда не узнает! Это ж он, гм, в разных телах может находиться, а не я! А как узнает, так и начнет дурака валять, делая вид, что ни разу не знакомы. Если, конечно, сам не захочет с боевым товарищем общаться. Проблема, между прочим, об этом он как-то не подумал... Если Степан... тьфу ты, снова. А ладно, буду его и дальше Степанычем величать, поскольку привык. Так вот, ежели он в отказ пойдет, как тут докажешь, что он — это он? С другой стороны, если память потерял — значит, не он это, скорее всего. Ох, сложно все, прям голова кругом... впрочем, ладно, к чему из пустого в порожнее переливать? На месте разберемся, он — не он. Да и не такой Степаныч человек, чтобы от разговора отказываться, тут никакой ошибки быть не может — в людях Витька худо-бедно разбирается. Если в госпитале именно Минаев-Кобрин окажется, точно поговорить согласится, не станет от него прятаться да в глаза врать»...

ГЛАВА 1

Земля, далекое будущее

Подошел к концу очередной год обучения. Теоретические занятия, работа с архивными историческими документами в голотеке, практика, индивидуальная физподготовка (пару раз слушателей академии, дабы не теряли формы, даже поднимали по тревоге среди ночи, грузили, будто простых десантников, в суборбитальные транспортники и выбрасывали в безлюдных районах планеты с заданием добраться до точки сбора или выполнить то или иное задание), виртуальные тренажеры с эффектом полного погружения, изучение сводок с фронтов и отработка полученных вводных на тактическом планшете или тех же виртах... Рутина.

Ага, именно так: в некий момент слушатель третьего курса ВАСВ¹ Сергей Кобрин поймал себя на мысли, что все происходящее для него — не более чем рутина. По крайней мере, по сравнению с тем, что он пережил, пройдя два «Тренажера». Нет,

¹ ВАСВ — Высшая Академия сухопутных войск. Подробнее об этом и прошлых приключениях Кобринина можно узнать из двух первых книг серии «Комбат. Вырваться из «котла!» и «Комбриг из будущего. Остановить Панцерваффе!», вышедших в издательстве «Яуза» в 2016 году.